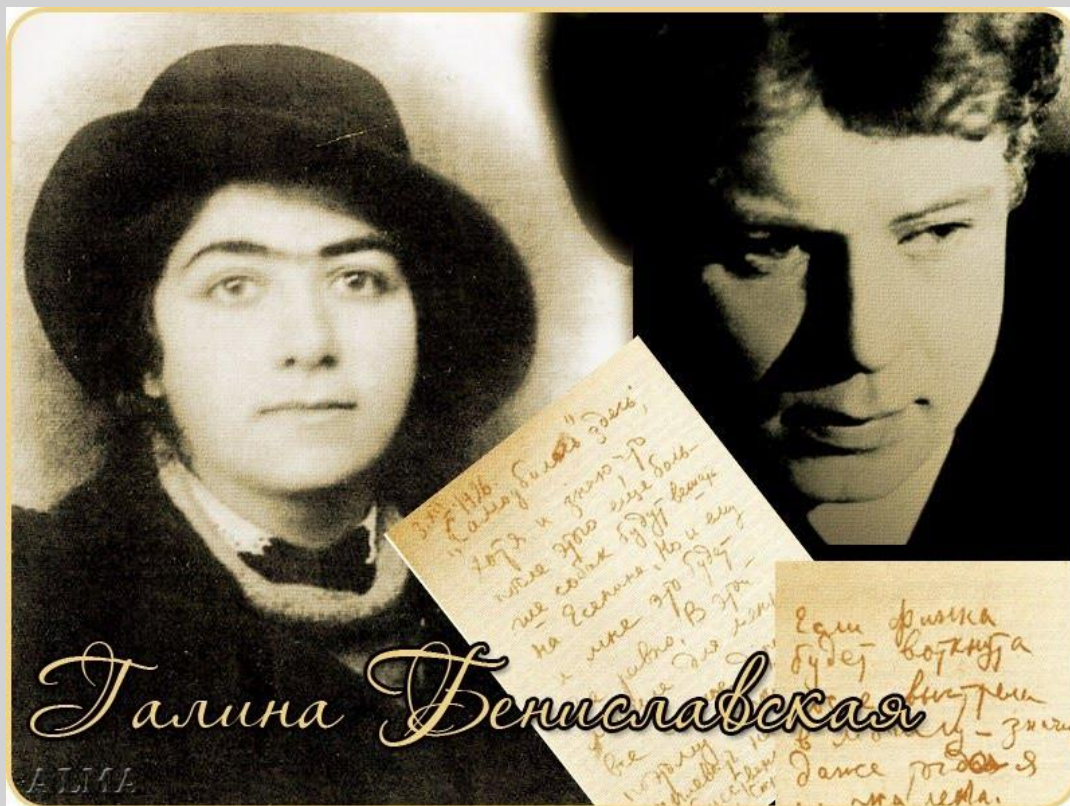

Галина Бениславская и земля пристенская

В 1897 или 1898 году родилась Галя Карьер. Её отцом был обрусевший француз по фамилии Карьер, к моменту рождения дочери опустившийся и сильно пивший. Мать — Василиса Поликарповна Зубова — грузинка (по другим сведениям — осетинка), женщина больная, страдающая нервными заболеваниями. Так что Гале было от кого унаследовать хрупкую, легко ранимую психику.

Когда девочке исполнилось пять лет, родители разошлись. Мать, большую часть времени проводившая в больницах, не могла растить ребёнка. Галю взяли на воспитание тётка Нина Поликарповна и её муж Артур Казимирович Бениславский, который в скором времени удочерил её. Так Галя Карьер стала Галей Бениславской.

Как все женщины Есенина, Галя была не только красива, но и умна, начитанна, любила и понимала искусство, особенно театр и поэзию. Встреча состоялась 4 ноября 1920 года. Есенин первым обратил внимание на девушку с необычной внешностью и большими зелёными глазами.

Галя была убеждённая коммунистка. Вступила в социал-демократическую партию ещё до Октябрьской революции. Именно по этой причине в своё время разладились её отношения с приёмными родителями. Окончив гимназию в Петрограде, она уехала от них в Харьков — и там поступила в университет. Но вскоре Харьков заняли белые. Галя тут же решила во что бы то ни стало перебраться к красным и отправилась в сторону расположения Красной Армии. Белые её арестовали. Но когда её привели в штаб Деникина, она неожиданно встретила там своего приёмного отца — Бениславского. Он сказал, что это его дочь, и её тут же освободили. Она попросила Артура Казимировича помочь ей перебраться через фронт. И хотя он отнюдь не сочувствовал её взглядам, но, зная характер Гали, почёл за лучшее выполнить её просьбу - выдал ей удостоверение сестры милосердия Добровольческой армии и командировку в Кабардинский полк. С этими документами она села на поезд и доехала до станции Ржава. Вагон был переполнен пьяными до бесчувствия офицерами. Зайти в него Галя не решилась и ехала на площадке.

На следующее утро после прибытия в Ржаву неожиданно начался обстрел.

«Страшная паника, офицерье вскакивает, на ходу надевая шинель... Снаряды бьют прямо по станции... Слышно, как сыплются оконные стёкла».

(Из дневника Бениславской)

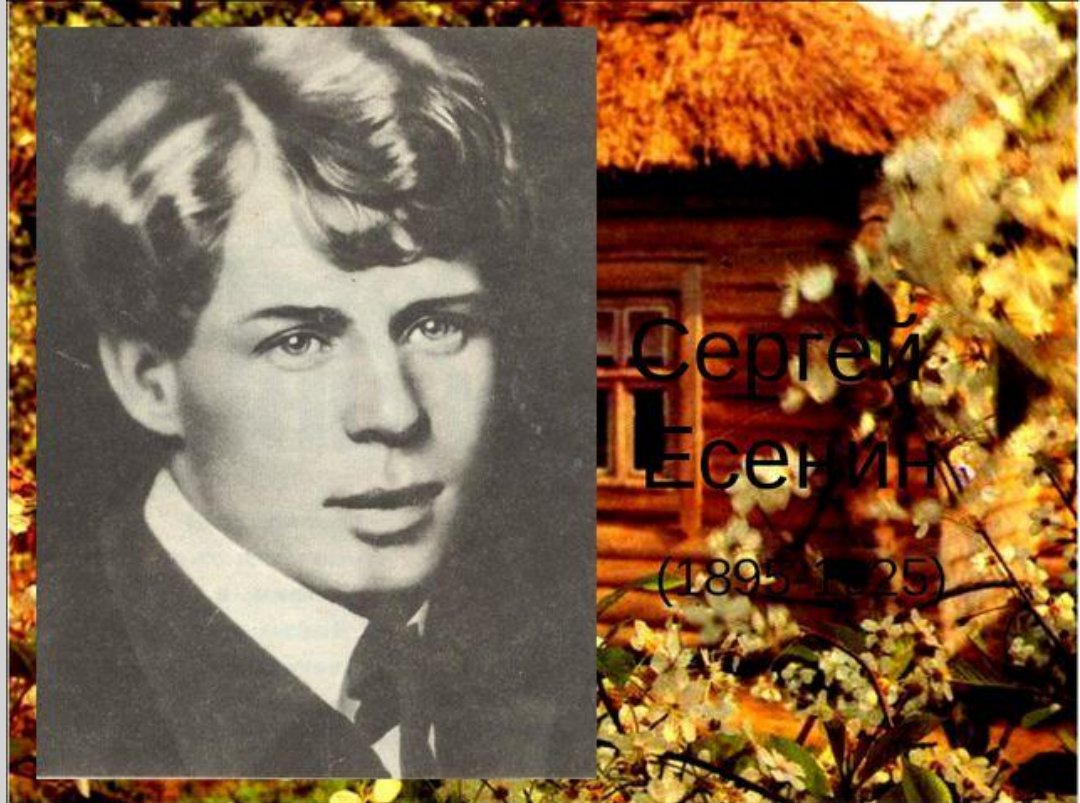
Один снаряд разорвался совсем рядом с Галей. Осколком порвало её юбку, но её саму не ранило.

Она решила, что красные обязательно возьмут стацию, и поэтому лучше всего где-нибудь здесь спрятаться.

И бросилась в погреб к одному из жителей. Вдруг открывается дверь: «Сестрица, за вами пришли!»

Подумала — узнали, заподозрили. Но нет, слава Богу, ничего не заподозрили, а пришли спасать из «лап красноармейцев» (кто-то сообщил, что «сестра» в погребе спряталась).

Но красные не сумели взять Ржаву. Выбраться со станции пешком или с подводой было невозможно. Все офицеры уже знали Галю, и каждый мог спросить: «Куда вы, сестра?» — и задержать. Тут, по счастью, один из офицеров рассказал ей, как он однажды пошёл вперёд наблюдать за стрельбой и оказался на территории противника. «Может, и мне так?» — подумала Галя. Она продолжала успешно разыгрывать роль медсестры, которая ничего не боится и рвётся в свой полк (настолько успешно, что её считали в доску своей: предлагали вместе выпить, спрашивали, нет ли у неё кокаина).

Под предлогом «я должна быть на месте службы» она на одном из бронепоездов добралась до станции Прохоровка, откуда было недалеко до позиций. Неподалёку от станции она встретила подводу, направлявшуюся в **Большие Сети**, а там, по слухам, шли бои. Дабы разжалобить хозяина подводы, рассказала ему, что в Москве у неё больная мать с пятилетним братом. Подействовало. Но до Больших Сетей не доехали: там действительно шёл бой, и «подводчик» не решился туда ехать. Предложил заночевать по дороге, у его родственников. Те отнеслись к ним очень хорошо, накормили, всячески жалели Галю и её «больную мать». Уложили спать в амбаре.

«Жутко и трудно ждать, тем более что накануне у них были казаки... всё мерещилось, что ворвутся».

Галя решила выбираться пешком — оставаться в деревне и ждать подводы было слишком рискованно!

«Вышла я смело. Ведь я решила: значит, возврата нет. Если бы поймали казаки и обнаружили мой студенческий билет — я бы бросилась бежать, пока не застрелили бы, а живую бы не дала. Перешла речку не через мост — там, должно быть, патруль был, — а по оставшемуся столбику от кладок. Иду. Мужик косит гречиху».

Галя наконец-то оказалась у своих... И они решили её расстрелять: ведь у неё было удостоверение сестры милосердия деникинской армии — значит, шпионка. От расстрела Галю спасли... красивые глаза. Один красноармеец запротестовал: «Девушка с такими глазами не может быть предательницей. Давайте подождём ответа из Москвы. Расстрелять всегда успеем».

Ответ из Москвы должен был прийти от М. Козловского, отца Галиной подруги Яны, старого большевика. Он дал телеграмму, что Бениславская — член партии и преданный революции человек.

Ей разрешили дальнейший проезд до Москвы. Но подозрения не были сняты. Особый отдел завёл на неё дело № 1725, которое было закрыто только в 1920 году.

М. Козловский устроил её в ВЧК, к Крыленко, в сельскохозяйственный отдел, секретарём комиссии «по изучению всех источников спекуляции и связанных с нею должностных преступлений».

Галя помогала работать - выполняла функции не только машинистки, но и Музы.

Из Туркестана Есенин привёз ей роскошные подарки: восточные шали и оригинальное, изумительной работы, кольцо с монограммой на камне: «С. Е.». Это кольцо Галя носила всю жизнь. (Его сдерут с её пальца только в морге, вместе с кожей.)

В ночь с 3-го на 4 декабря 1926 года на могиле Есенина раздался выстрел. Это пыталась свести счёты с жизнью Галина Бениславская. Рядом был кинжал воткнутый в коробку из под папирос, на которой было написано: « «Самоубилась» здесь; хотя и знаю, что после этого ещё больше собак будут вешать на Есенина. Но и ему, и мне это будет всё равно. В этой могиле для меня всё самое дорогое, поэтому напоследок наплевать на... общественное мнение».

